

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

Данная работа является переводом большинства — 17 из 19 — статей и эссе Юнга, входящих в восьмой том его собрания сочинений, и включает материал, раскрывающий основные динамические модели психического, которые Юнг разрабатывал и использовал в период после разрыва отношений с З. Фрейдом. Как известно, собрание сочинений К.Г. Юнга не было выстроено хронологически — за исключением первых четырех томов — и организовывалось по тематическому принципу. Ряд наиболее важных теоретических статей «постпсихоаналитического периода» представлен как раз в восьмом томе, охватывающем значительный временной промежуток — с 1916 по 1957 годы.

В предлагаемый ниже текст не вошли две работы о синхронии, написанные, соответственно, в 1951 и 1952 годах, уже переведенные на русский язык и опубликованные двумя изданиями (см.: *Юнг К.Г. Синхронистичность*. Киев: Рефл-Бук, Ваклер, 1998 и *Юнг К.Г. Синхрония*. Киев: Рефл-Бук, Ваклер, 2003).

Наиболее важные теоретические статьи, относящиеся к различным этапам творческой биографии Юнга, образуют как бы ряд блоков: природа и динамический аспект психической энергии, трансцендентная функция психического и активное воображение, теория комплексов, структура психического функционирования, природа и психология сновидений, психическое развитие на разных стадиях жизни человека, структура душевного опыта. Разумеется, отнесение той или иной работы к определенному блоку носит весьма условный характер, поскольку ее содержание, помимо основной «темы», включает и массу «побочных» рассуждений, касающихся самых разных аспектов

аналитической психологии. Такова стилистическая специфика юнговских текстов вообще — одна и та же мысль неоднократно повторяется в разных словесных ракурсах, не отклоняясь вместе с тем от своей главной идеологической задачи.

Параграфы в работах, приведенных ниже, соответствуют параграфам восьмого тома собрания сочинений.

Мы сочли уместным привести в Приложении текст «Приветственного адреса», с которым семидесятитрехлетний Карл Юнг обратился к преподавателям и студентам по случаю открытия Института Юнга в Цюрихе

в апреле 1948 г. Формально эта работа опубликована в 18 томе, но по существу относится к данной работе, на что прямо указывают редакторы английского издания собрания сочинений. Параграфы в этом случае соответствуют 18 тому.

Подготовка данного издания осуществлялась в рамках издательской программы Информационного центра психоаналитической культуры в Санкт-Петербурге.

*Валерий Зеленский
Январь 2008*

I

О ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ
ТРАНСЦЕНДЕНТНАЯ ФУНКЦИЯ
ОБЗОР ТЕОРИИ КОМПЛЕКСОВ

О ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

Перевод К.М. Бутырина

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

A. ВВЕДЕНИЕ

1. Концепция либидо, выдвинутая мною¹, встретила множество неверных толкований, в ряде случаев — полное ее неприятие; поэтому, наверное, не будет лишним для меня еще раз повторить основания этой концепции.
2. Общеизвестно, что физические явления могут быть рассмотрены двумя способами: с механистической и энергетической точек зрения². Механистическая точка зрения является чисто каузальной: она понимает событие как следствие некой причины в том смысле, что неизменяющиеся субстанции изменяют свои отношения друг к другу согласно твердо установленным законам.
3. Энергетическая точка зрения, в сущности, является финалистской³; событие прослеживают от следствия к причине, исходя из предположения, что некоего рода энергия лежит в основе изменений в объектах, что она сохраняется в качестве величины постоянной на всем протяжении этих изменений и в конечном счете приводит к энтропии — состоянию общего равновесия. Поток энергии имеет определенное направление (цель), поскольку он в известном смысле следует градиенту потенциала, который нельзя изменить на противоположный. Идея энергии отлична от идеи суб-

станции, приводимой в движение в пространстве — это понятие, извлекаемое из отношений движения. Поэтому оно базируется не на самих субстанциях, а на их отношениях, тогда как сама движущаяся субстанция является основой этого механистического взгляда.

4. Обе точки зрения необходимы для понимания физических явлений и, следовательно, пользуются общим признанием. Между тем их длительное сосуществование бок о бок постепенно породило третью концепцию, которая является механистической и энергетической одновременно — хотя, логически рассуждая, продвижение от причины к следствию, прогрессивное действие причины, не может в то же самое время быть ретрогрессивным подбором средств, необходимых для достижения цели⁴. Непостижимо, чтобы одна и та же комбинация событий могла одновременно быть и каузальной, и финальной, поскольку одна детерминация исключает другую. Фактически, существуют две различных точки зрения, противоположные одна другой; ибо принцип финальности — это логический реверс принципа каузальности. Финальность не просто логически возможна, она является также необходимым объяснительным принципом, поскольку никакое объяснение природы не может быть только механистическим. Действительно, если бы наши понятия описывали исключительно движущиеся в пространстве тела, то существовало бы только каузальное объяснение; но нам приходится в концептуальном плане иметь дело также и с отношениями движения, что требует энергетической точки зрения⁵. Если бы дело обстояло иначе, не было бы необходимости изобретать понятие энергии.
5. Преобладание одной или другой точки зрения зависит не столько от объективного поведения самих вещей, сколько от психологической установки исследователя или мыслителя. Эмпатия ведет к механистическому взгляду, абстракция — к энергетическому. Оба этих подхода, вследствие

убежденности в существовании так называемых объективных фактов опыта, склонны совершать ошибку гипостазирования своих принципов. Они исходят из ошибочного предположения, что субъективное понятие тождественно свойствам самой вещи; что, например, каузальность, как мы переживаем ее, можно объективно обнаружить и в поведении вещей. Эта ошибка очень распространена и приводит к непрекращающимся конфликтам с противоположным принципом; ибо, как было уже сказано, невозможно помыслить о детерминирующем факторе, являющемся в одно и то же время и каузальным, и финальным. Но это нетерпимое противоречие возникает лишь благодаря логически неправильной и бездумной проекции на объект того, что является просто точкой зрения. Наши точки зрения не содержат в себе противоречия только в тех случаях, когда они ограничиваются сферой психологического и проецируются, всего лишь в качестве гипотез, на то или иное объективное поведение наблюдаемых вещей. Принцип каузальности может переносить логический реверс, совершаемый над ним, не впадая в противоречие с самим собой, но факты этого не могут; отсюда явствует, что каузальность и финальность с необходимостью исключают друг друга в конкретном объекте. Исходя из широко известного принципа сведения к минимуму различий, исследователи обычно идут на теоретически недопустимый компромисс, заключающийся в рассмотрении процесса отчасти как каузального, отчасти как финального⁶ — компромисс, который порождает всевозможного рода теоретические гибриды, но который дает (этого нельзя отрицать) относительно верную картину реальности⁷. Нам всегда следует помнить, что, несмотря на даже самое идеальное согласие между фактами и нашими идеями, объяснительные принципы — это только точки зрения, то есть манифестации психологической установки и априорных условий, при которых только и возможно какое бы то ни было мышление.

В. ВОЗМОЖНОСТЬ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИЗМЕРЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

6. Из сказанного достаточно ясно, что каждое явление может быть рассмотрено как с механистически-каузальной, так и с энергетически-финалистской точек зрения. Иными словами, исключительно целесообразность, возможность достижения результатов определяет, предпочесть ли нам первую или вторую точку зрения. Если, например, предметом обсуждения становится качественная сторона явления, то энергетическая точка зрения отходит на второй план, потому что она не имеет ничего общего с самими вещами, но лишь с их количественными отношениями движения.
7. Много копий было сломано по поводу того, могут ли ментальные и психические явления быть предметом энергетического подхода. А priori нет причины, почему это следует считать невозможным, поскольку нет оснований для того, чтобы исключать психические явления из сферы объективного опыта. Само по себе психическое очень даже может быть объектом опыта. Тем не менее, как показывает пример Вундта⁸, можно вообще сомневаться в правомерности приложения энергетической точки зрения к психическим феноменам, равно как и в том, может ли рассматриваться душа в качестве относительно закрытой системы.
8. Что касается первого вопроса, то я совершенно согласен с фон Гротом, который одним из первых предложил понятие психической энергии, когда он говорит: «Понятие психической энергии столь же оправдано в науке, как и понятие физической энергии, и у психической энергии так же много количественных измерений и различных форм, как и у физической энергии»⁹.
9. Что касается второго вопроса, то, в отличие от предшествующих исследователей, я нисколько не обеспокоен тем, чтобы привести психоэнергетические процессы в соответствие с физической системой. Меня не интересует подобного рода классификация, потому что в лучшем случае у

нас в распоряжении оказываются только смутные догадки о дальнейшем пути и никакой реальной отправной точки. И хотя мне представляется несомненным, что психическая энергия так или иначе тесно связана с физическими процессами, все же, чтобы говорить мало-мальски авторитетно об этой связи, от нас потребовался бы довольно разнообразный опыт и проницательность. Что касается философской стороны проблемы, то я совершенно согласен со взглядами Буссе¹⁰. Я должен также поддержать Кюльпе, когда тот говорит: «Таким образом, не имеет значения, вносится ли какое-то количество ментальной энергии в ход материального процесса или нет: закон сохранения энергии, как он формулировался до настоящего времени, не был бы от этого поколеблен»¹¹.

10. На мой взгляд, психофизическая связь представляет собой самостоятельную проблему, которая, вероятно, когда-нибудь будет решена. Между тем, однако, психологу не следует пускаться перед этим затруднением, а рассматривать психическое как *относительно* закрытую систему. В этом случае нам определенно нужно порвать с «психофизической» гипотезой, которая представляется мне несостоятельной, поскольку эпифеноналистская точка зрения — это всего лишь наследие устарелого научного материализма. Поэтому, как считают Лассвиц, фон Грот и другие, феномены сознания не имеют никаких функциональных связей друг с другом, поскольку они суть *только* «феномены, выражения, симптомы некоторых более глубоких функциональных взаимоотношений». Каузальные связи, существующие между психическими фактами, которые доступны наблюдению в любой момент, противоречат теории эпифеномена, имеющей фатальное сходство с материалистическим убеждением, что психическое выделяется мозгом, как желчь — печени. Психологии, трактующей психическое в качестве эпифеномена, лучше было бы называть себя психологией мозга (brain-psychology) и доволь-

ствоваться теми скудными результатами, которые такая психология способна принести. Психическое заслуживает, чтобы его принимали в качестве феномена самого по себе; нет вообще никаких оснований для того, чтобы рассматривать его в качестве простого эпифеномена, хотя, возможно, и зависимого в чем-то от функционирования мозга. Это было бы так же мало оправдано, как рассматривать жизнь в качестве эпифеномена химических процессов с участием углерода.

11. Непосредственный опыт количественных психических отношений, с одной стороны, и непроницаемая природа психофизической связи, с другой, по крайней мере, служат оправданием для предварительного понимания психического как относительно закрытой системы. Тут я оказываюсь в прямой оппозиции к психофизической энергетике фон Грота. На мой взгляд, он вступает здесь на очень зыбкую почву, и его дальнейшие замечания звучат не очень убедительно. Тем не менее, мне бы хотелось изложить читателю формулировку фон Грота его же собственными словами, поскольку они представляют мнение пионера в этой трудной области:
- (1) Психические энергии обладают количеством и массой, точно так же, как физические энергии.
  - (2) В качестве различных форм психической работы и психической потенциальности они способны трансформироваться друг в друга.
  - (3) Они могут быть преобразованы в физические энергии и наоборот посредством физиологических процессов¹².
12. С моей стороны едва ли нужно добавлять, что третье утверждение явно вызывает большие сомнения. В конечном счете только практическая целесообразность способна положить конец сомнениям — не относительно того, возможна ли сама по себе энергетическая точка зрения или нет, но обещает ли она принести какие-либо практические результаты¹³.

13. Возможность точного количественного измерения физической энергии *доказала*, что энергетическая точка зрения, действительно, приносит результаты в тех случаях, когда она применяется к физическим явлениям. Однако рассматривать физические явления как формы энергии было бы возможным, даже если бы точного количественного измерения еще не существовало, а просто имелась возможность *оценивать количества*¹⁴. Если бы, тем не менее, оказалось, что это невозможно, то от энергетической точки зрения пришлось бы отказаться, поскольку при отсутствии возможности хотя бы количественной *оценки* энергетический подход становится совершенно излишним.

(I) СУБЪЕКТИВНАЯ СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

14. Применимость энергетического подхода в психологии зависит, таким образом, исключительно от ответа на вопрос, возможна ли количественная оценка психической энергии или нет. И ответ на этот вопрос может быть безусловно положительным, поскольку наша душа действительно обладает необычайно широко развитой оценивающей системой, а именно — *системой психологических ценностей*. Ценности суть количественные оценки энергии. Здесь следовало бы отметить, что благодаря нашим моральным и эстетическим ценностям мы имеем в своем распоряжении не просто объективную систему ценностей, но и объективную систему измерения. Однако непосредственного доступа к этой системе, необходимого для нашей цели, у нас нет, поскольку она представляет собой общую шкалу ценностей, которая только косвенно учитывает субъективное, то есть индивидуальные психологические состояния.
15. Следовательно, предметом нашего рассмотрения, в первую очередь, должна стать *субъективная ценностная система*, субъективные оценки отдельного индивида. Фактически, до известного момента мы способны оценивать субъективные ценности наших психических содержаний, даже

если временами бывает чрезвычайно трудно измерить их с объективной точностью, в отличие от общеустановленных ценностей. Тем не менее, как уже было сказано, в таком сравнении для нашей цели нет необходимости. Мы не можем сравнить наши субъективные оценки друг с другом и определить их *относительную* силу. Тем не менее, их измерение так или иначе связано с ценностью других содержаний и, следовательно, не является абсолютным и объективным, однако его достаточно для нашей цели, поскольку разные [степени] интенсивности ценности в отношении сходных качеств могут быть безошибочно узнаны, тогда как равносильные ценности при тех же самых условиях явно удерживаются в равновесии.

16. Затруднения возникают только тогда, когда нам необходимо подвергнуть сравнению ценностные интенсивности различных качеств, скажем, ценность научного представления сравнительно с ценностью чувственного впечатления. Здесь субъективная оценка становится неопределенной и, следовательно, ненадежной. Аналогичным образом, субъективная оценка ограничивается содержаниями сознания; поэтому она бесполезна в том, что касается бессознательных влияний при наличии которых мы имеем дело с оценками, выходящими за пределы сознания.
17. Тем не менее, ввиду компенсаторного взаимоотношения, существующего, как известно, между сознательным и бессознательным¹⁵, крайне важно найти способ определения ценности бессознательных продуктов. Если в своих рассуждениях мы хотим подойти к психическим явлениям с помощью энергетической модели, то нам следует учитывать один чрезвычайно важный факт, а именно, что сознательные ценности могут исчезать. В этом случае нам следует теоретически предполагать их появление в бессознательном. Но так как ни у нас самих, ни у других нет непосредственного доступа к бессознательному, оценка может быть только косвенной, вследствие чего для достижения оценки

ценности нам необходимо прибегнуть к помощи вспомогательных методов. В случае субъективной оценки чувство и интуиция немедленно приходят к нам на помощь, поскольку они представляют собой функции, которые развивались в течение длительных периодов времени и стали очень тонко дифференцированными. Даже ребенок с самых ранних лет практикует дифференциацию своей шкалы ценностей; он взвешивает, кто ему больше нравится — отец или мать, кто стоит для него на втором и третьем месте, кого он больше всех ненавидит и т. д. Это сознательное оценивание не только действует разрушительно в отношении манифестаций бессознательного, но фактически ввергает человека в самые очевидные ложные оценки, описываемые так же, как «вытеснения» или «смещение аффекта». Поэтому не может быть и речи о субъективном оценивании бессознательных ценностных интенсивностей. Следовательно, нам необходима объективная отправная точка, которая сделает возможной пусть косвенную, но объективную оценку.

(II) ОБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА КОЛИЧЕСТВА

18. В своих исследованиях феноменов ассоциации¹⁶ я показал, что существуют определенные конstellляции психических элементов, сгруппированных вокруг эмоционально заряженных¹⁷ содержаний, которые я назвал «комплексами». Эмоционально заряженное содержание, комплекс, состоит из ядерного, центрального элемента и множества дополнительно конstellлированных ассоциаций. Ядерный элемент состоит из двух компонентов: во-первых, фактора, детерминируемого опытом и каузально соотносящегося с окружающей индивида средой; во-вторых, фактора, присущего характеру индивида и определяемого его диспозицией.
19. Ядерный элемент характеризуется собственным чувственным тоном, эмфатичностью, являющейся следствием интенсивности аффекта. Эта эмфатичность, выражаемая

в терминах энергии, есть не что иное, как некоторое ценностное качество. Поскольку ядерный элемент сознателен, количество может быть субъективно оценено, по крайней мере, относительно. Но если, как часто случается, ядерный элемент бессознателен¹⁸, во всяком случае в своем психологическом значении, то субъективная оценка становится невозможной, и нам приходится использовать вместо нее косвенный метод оценивания. В принципе, это основывается на том, что ядерный элемент до известной степени автоматически создает комплекс, причем этот комплекс аффективно окрашен и обладает энергетической ценностью, как я показал на большом количестве примеров во второй и третьей частях своей «Психологии Dementia Praecox». Ядерный элемент обладает констеллирующей силой, соответствующей его энергетической ценности; он производит специфическую констелляцию психических содержаний, и таким образом происходит образование комплекса. Подобная констелляция психических содержаний динамически обусловлена их энергетической ценностью. Тем не менее, получающаяся в результате констелляция не есть лишь иррадиация психического стимула, но результат отбора стимулируемых психических содержаний, обусловленных *качеством* ядерного элемента. Этот отбор, разумеется, невозможно объяснить в терминах энергии, поскольку энергетическое объяснение имеет количественный, а не качественный характер. Для качественного объяснения нам необходимо прибегнуть к помощи каузального подхода¹⁹. Следовательно, утверждение, на котором базируется объективная оценка психологических ценностных интенсивностей, формулируется следующим образом: *констеллирующая сила ядерного элемента соответствует его ценностной интенсивности, то есть его энергии.*

20. Однако каким средством оценки энергетической ценности констеллирующей силы, которая обогащает комплекс ассоциациями, мы реально располагаем? Мы можем оцени-

вать это количество энергии разнообразными способами: (1) исходя из сравнительного количества констелляций, произведенных ядерным элементом; (2) исходя из сравнительной частоты и интенсивности реакций, свидетельствующих о расстройстве или комплексе; (3) исходя из интенсивности сопутствующих комплексу аффектов.

21. Данные, необходимые для определения сравнительного количества констелляций, могут быть получены отчасти путем прямого наблюдения, отчасти путем аналитической дедукции. Иными словами, чем чаще встречаются констелляции, обусловленные одним и тем же комплексом, тем больше должна быть его психологическая валентность.
22. Реакции, свидетельствующие о наличии расстройства или комплекса, не ограничиваются симптомами, появляющимися в ходе ассоциативного эксперимента. Эти симптомы, по существу, есть лишь следствие комплекса, и их характер определяется данным типом эксперимента. Нас здесь более интересуют явления, свойственные психологическим процессам, находящимся за пределами экспериментальных условий. Фрейд описал большую их часть под рубриками речевых оговорок, описок, ошибок памяти, неверных истолкований произнесенных слов и других действий, имеющих симптоматический характер. К ним следует добавить автоматизмы, описанные мною, такие, как «отключение мысли», «постепенный запрет на говорение» («interdiction»), «нелепая болтовня»²⁰ и т. п. Как я показал в своих экспериментах с ассоциациями, интенсивность подобных явлений может непосредственно определяться временем регистрации, но то же самое наблюдается и в случае неограниченной психологической процедуры, когда, имея лишь часы на руке, мы легко можем по времени, требующемуся пациенту для разговора об определенных вещах, определить их ценностную интенсивность. Мне могут возразить, что пациенты тратят большую часть своего времени на болтовню о вещах, не

имеющих отношения к делу, с целью уклониться от основной проблемы, однако это лишь демонстрирует, насколько важное значение для них имеют эти так называемые «неуместности». Наблюдатель обязан принять меры предосторожности против произвольных оценок, характеризующих реальные интересы пациента как не относящиеся к делу, согласно какому-нибудь субъективному теоретическому предположению конкретного аналитика. Определяя ценности, мы должны строго придерживаться объективных критериев. Так, например, если пациентка тратит массу времени, жалуясь на своих слуг, вместо того чтобы приблизиться к основному конфликту, который, возможно, совершенно верно оценил работающий с ней аналитик, то это означает только то, что комплекс слуги имеет фактически гораздо большую энергетическую ценность, нежели тот бессознательный конфликт, который, возможно, откроется в качестве ядерного элемента лишь в ходе более длительного курса лечения, или что торможение со стороны крайне высоко ценимой сознательной позиции держит ядерный элемент в бессознательном состоянии посредством сверхкомпенсации.

23. Для определения интенсивности сопутствующих аффективных явлений у нас имеются объективные методы, которые хотя и не измеряют количество аффекта, тем не менее, делают возможной его оценку. Экспериментальная психология обеспечила нас рядом таких методов. Помимо измерений времени реакций, определяющих торможение ассоциативного процесса, а не фактических аффектов, у нас имеются в распоряжении, в частности, следующие показатели:
- (1) кривая пульса²¹;
  - (2) кривая дыхания²²;
  - (3) психогальванический феномен²³.
24. Легко распознаваемые изменения этих кривых позволяют наблюдателю осуществлять интерференциальные оцен-

ки интенсивности беспокоящей пациента проблемы. Возможно также, как, к нашему глубокому удовлетворению, показал опыт, намеренно вызывать аффективные явления в субъекте посредством психологических стимулов, которые, как известно, специально нагружаются аффектом для данного конкретного индивида в отношении его экспериментатора²⁴.

25. Кроме этих экспериментальных методов, мы обладаем высоко дифференцированной субъективной системой для распознавания и оценивания аффективных явлений в других. У каждого из нас для этого имеется непосредственный инстинкт, который в высшей степени свойственен и животным, и не только по отношению к их собственному виду, но и к другим животным и человеческим существам. Мы способны воспринимать самые незначительные эмоциональные колебания (флуктуации) в других и обладаем очень тонким инструментом оценки качества и количества аффектов в наших ближних.

II. ПРИМЕНЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

А. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ЭНЕРГИИ

26. Термин «психическая энергия» имеет давнее употребление. Мы находим его, например, уже у Шиллера²⁵, а энергетическая точка зрения характерна также для фон Грота²⁶ и Теодора Липпса²⁷. Липпе проводит различие между психической и физической энергией, тогда как Штерн²⁸ оставляет вопрос об их связи открытым. Мы должны быть признательны Липпсу за дистинкцию между психической *энергией* и психической *силой*. Для Липпса психическая сила — это вообще возможность возникновения процессов и достижения ими определенной степени эффективности. С другой стороны, психическая энергия определяется Липпсом как «присущая этим процессам способность ак-

туализировать данную силу в себе»²⁹. В другом месте Липпе говорит о «количественных свойствах психического». Различение между силой и энергией является концептуальной необходимостью, поскольку энергия — это, по существу, понятие, как таковая она не существует объективно в самих явлениях, но лишь в специфических данных опыта. Иными словами, будучи актуальной, энергия всегда конкретно переживается в качестве движения и силы, а будучи потенциальной, — в качестве состояния или условия. Будучи актуальной, психическая энергия заявляет о себе в особых динамических явлениях души, таких, как инстинкт, желание, воление, аффект, внимание, способность к работе и т. д., составляющих вместе психические силы. Будучи потенциальной, энергия проявляется в специфических достижениях, возможностях, склонностях, установках и т. д., которые суть ее разнообразные состояния.

27. Дифференциация специфических энергий — таких, как энергия удовольствия, энергия ощущения, энергия противоречия и т. д., — предлагаемая Липпсом, представляется мне теоретически недопустимой, поскольку специфические формы энергии и есть вышеупомянутые силы и состояния. Энергия — количественное понятие, которое включает в себя их все. И только эти силы и состояния получают количественное определение, поскольку являются понятиями, выражающими качества, вносимые в действие посредством энергии. Количественное понятие ни в коем случае не должно являться в то же самое время качественным, иначе оно не будет давать нам возможности интерпретировать отношения между силами, что в конечном счете является его настоящей функцией.
28. Так как, к сожалению, мы не в силах научно доказать, что между физической и психической энергиями существует отношение эквивалентности³⁰, у нас нет другого выбора, кроме как или совсем прекратить разговор об энергетическом воззрении, или же предположить существование

некой особой психической энергии — что, безусловно, возможно в качестве гипотетической операции. Как уже отметил Липпе, психология не в меньшей степени, чем физика, может пользоваться правом строить свои собственные понятия, однако, как вполне справедливо указывает Вундт, лишь в том случае, если энергетическое воззрение доказывает свою ценность, а не представляет собой простое подытоживание результатов в виде неопределенного общего понятия. Мы, тем не менее, придерживаемся мнения, что энергетическая точка зрения на психические феномены является весьма ценной, потому что дает нам возможность распознавать как раз те количественные отношения, существование которых в душе, возможно, и нельзя отрицать, но которые легко не заметить при чисто качественном взгляде на вещи.

29. Далее, если бы, как утверждают психологи, исследующие сознательный разум, психическое состояло только из сознательных процессов, то мы могли бы удовлетвориться предположением о существовании «особой психической энергии». Но так как мы убеждены, что бессознательные процессы имеют отношение также и к психологии, а не только к физиологии мозга (в качестве субстратных процессов), то мы обязаны поставить наше понятие энергии на значительно более широкое основание. Мы полностью согласны с Вундтом в том, что существуют вещи, которые мы сознаем только смутно. Мы принимаем, вслед за ним, шкалу ясности для сознательных содержаний, однако психическое для нас отнюдь не прекращается там, где начинается темнота, но находит себе продолжение прямо в бессознательном. Мы также оставляем психологии мозга ее участок работы, поскольку полагаем, что бессознательные функции в конечном счете сводятся к физиологическим процессам, однако их не стоит возводить на уровень психического, если только не прибегать к помощи философской гипотезы панпсихизма.

30. В определении границ понятия психической энергии нам, таким образом, приходится столкнуться с определенными трудностями, поскольку мы совершенно лишены средства для отделения того, что является психическим, от биологического процесса как такового. К биологии с не меньшим успехом, чем к психологии, можно подойти с энергетической точки зрения, другой вопрос — насколько, по мнению самого биолога, такой подход полезен и представляется ценным. Подобно психическому, жизне-процесс (life-process), вообще говоря, не находится в каком-либо точно доказуемом взаимоотношении эквивалентности с физической энергией.
31. Если мы будем держаться в границах научного здравого смысла и избегать философских умозрений, которые увели бы нас слишком далеко, то, вероятно, лучше всего было бы рассматривать психический процесс просто в качестве некоего жизне-процесса. Таким способом мы расширяем более узкое понятие психической энергии до понятия жизне-энергии, которая включает в себя «психическую энергию» в качестве особой части. В результате мы получаем преимущество, состоящее в том, что мы можем придерживаться количественных отношений и за пределами узких границ психического — в сфере биологических функций вообще и, таким образом, можем оценить по достоинству, если понадобится, давно дискутируемую и вездесущую проблему «духа и тела».
32. Понятие «жизне-энергии» не имеет ничего общего с так называемой жизне-силой, ибо последняя, в качестве силы, являлась бы не чем иным, как специфической формой всеобщей энергии. Рассматривать жизне-энергию таким образом, и, следовательно, перекидывать мостик над все еще зияющей пропастью между физическими процессами и жизне-процессами, означало бы игнорировать особые требования биоэнергетики в сравнении с физической энергетикой. Я предложил называть эту гипотетическую

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru